

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

УРАЛ
В ПРОШЛОМ И
НАСТОЯЩЕМ

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

ЧАСТЬ I

ЕКАТЕРИНБУРГ

24-25 февраля 1998г.

Урал в прошлом и настоящем / Материалы научной конференции. Часть I. - Екатеринбург: НИСО УрО РАН, БКИ; 1998. 540 с. ISBN 5-7691-0805-3

Сборник включает доклады научной конференции "Урал в прошлом и настоящем" (Екатеринбург, 24 - 25 февраля 1998 г.), посвященной 10-летию образования Института истории и археологии УрО РАН. В материалах анализируется исторический опыт развития уральского региона, наиболее актуальные проблемы археологии, этнографии, демографии и истории Урала с древнейших времен до наших дней.

Сборник предназначен для преподавателей вузов и техникумов, аспирантов, студентов, учителей и учащихся средних школ, краеведов и всех интересующихся историей Урала.

Редакционная коллегия:

В.В.Алексеев, академик РАН (главный редактор)
А.В.Сперанский, д.и.н. (зам. главного редактора)
А.В.Бакунин, д.и.н.
Д.В.Гаврилов, д.и.н.
А.В.Головнев, д.и.н.
Г.Е.Корнилов, д.и.н.
С.П.Постников, д.и.н.
Е.Ю.Рукосуев, к.и.н. (ответственный секретарь)
А.В.Шорин, д.и.н.

Рекомендовано к изданию Ученым Советом
Института истории и археологии УрО РАН.

поселения, Уфимского городища на р.Белой. Материалы поселений второй половины I - начала II тыс. н.э. показывают, что данная новация не нашла продолжение в прикамском домостроительстве. Местная линия оказалась доминирующей и, как в северных, так и южных районах средневекового пермского мира мы обнаруживаем наземные срубные жилища прямоугольной формы с сенями-тамбуром при входе или без него, с очагом, расположенным на одной оси с ним, а иногда и ямой кладовкой, вписанной в заданную парадигму. Системообразующая роль в организации внутреннего пространства жилища во всех районах Прикамья, безусловно, принадлежала очагу. Именно функциональная значимость очага диктовала необходимость его совершенствования.

На сегодняшний день степень изученности жилищ эпохи железа Приуралья позволяет решать ряд важных и интересных вопросов, имеющих непосредственный выход на проблемы культурной преемственности и этнической истории в регионе. Пока далеко недостаточно использованы возможности жилищно-поселенческой археологии Приуралья для палеосоциальных и палеоэкономических реконструкций. Естественно, что одним из главных условий при этом будет являться максимально полная изученность поселения и тщательная фиксация всех элементов, составляющих жилище.

В уральской археологии сегодня накопилось немало фактов, позволяющих обратить пристальное внимание и на обрядово-ритуальную сферу древнего домостроительства. Определенный оптимизм в этом отношении продиктован успехами этнологов, приложивших немалые усилия для изучения строительной обрядности финноугров и их соседей, равно как и семиотического статуса жилища. Обоснованное привлечение этнографических материалов для определения обрядово-ритуальных параметров древнего жилища будет только способствовать расширению интерпретационных возможностей данного источника.

И.Г.ШАПРАН (Ижевск)

УДМУРТСКИЕ И МАРИЙСКИЕ МОГИЛЬНИКИ В БАССЕЙНАХ КАМЫ И ВЯТКИ

В исторической литературе неоднократно обращалось внимание на важность изучения этнической истории народов Волго-Уральского региона в позднесредневековый период (Козлова К.И., 1978; Кузеев Р.Г., 1987). Начатое с середины 80-х гг. XX в. введение в научный оборот погребальных комплексов XVI-XIX вв. позволило существенно заполнить своеобразную лауну материалами, занимающими промежуточное положение между средневековыми археологическими и этнографическими источниками. Использование этих данных открывает широкие возможности взаимопроверки, дополнения и корректировки археологических, этнографических и исторических знаний по целому комплексу вопросов функционирования финноязычных этносов.

К моменту присоединения территорий, заселенных марийцами и удмуртами к Русскому централизованному государству, и те и другие представляли чрезвычайно пеструю в лингвистическом и этнографическом плане картину. Процесс достаточно автономного развития отдельных территориально-этнографических групп удмуртского и марийского населения продолжался и в более позднее время, т.к. объедине-

ние территорий под властью единого Российского государства происходило не одновременно и при различных политических обстоятельствах. Присоединение северных удмуртов произошло в более раннее время (1489 г.) и с меньшими для них потерями. Вхождение под общую "государеву власть" южноудмуртских территорий и земель, заселенных марийским этническим субстратом, завершилось позднее (1552 г.), с разницей в 60 лет, что является временем жизни целого поколения, и при событиях более бурных и драматичных для населения данных земель. Эти обстоятельства на фоне этнического своеобразия отдельных районов во многом обуславливают специфику формирования и функционирования этнографических групп удмуртского и марийского населения на интересующей нас территории Камско-Вятского междуречья.

Результаты картографирования известных к настоящему времени поздне-средневековых могильников в известной мере отражают картину реального расселения основных массивов удмуртского и марийского этносов на территории Камско-Вятского междуречья. На карте довольно четко можно очертить ареал проживания в этот период двух этнографических групп удмуртов: северных и южных. Естественным рубежом между ними служили слабо заселенные территории, проходившие по водоразделам рр.Чепца, Кильмезь, верховья Ижа. В погребальной обрядности и в характере инвентаря северо- и южноудмуртского населения фиксируются небольшие различия, обусловленные и закрепленные историческими и географическими причинами. Достаточно единообразные и архаичные в своей массе материалы бассейна Чепцы указывают, что к XVI-XVII вв. северные удмурты по сравнению с южными представляли собой более монолитную, с устоявшимися патриархальными традициями этническую группу. Такое положение может быть объяснено тем, что в этот период были закончены основные этноинтегрирующие процессы, связанные с внутриэтническими миграционными потоками развитого средневековья, и в Чепецком бассейне, в относительно мирной и благоприятной социально-политической обстановке и в результате заимствования и аккумуляции всех достижений предшествующего периода (IX-XIII вв.) были созданы условия для расцвета традиционной народной культуры удмуртов, сформировались ее основные характерные черты.

Особо необходимо отметить исторические судьбы удмуртского населения Вятской земли, которая к моменту присоединения к Москве являлась своеобразной федерацией волостей с русским и нерусским населением (Макаров Л.Д., 1991). Судьбы западной и восточной групп удмуртов этой территории во многом различны. Удмурты, проживавшие к западу от Хлынова, прошли длительный период интеграции в окружающий их русский массив. Отсутствие в поселениях, известных к настоящему времени в массе по работам Л.Д.Макарова, керамики с неславянскими примесями, женских финно-угорских украшений со второй половины XV в. говорит о том, что они почти утратили свою и заимствовали русскую материальную культуру. На более поздних памятниках сохранились лишь отдельные реликты национальной традиции (орнаментация круговой керамики XV-XVII вв. удмуртскими знаками собственности или счета). Разговор на данную тему осложняется отсутствием аргументов, построенных на анализе погребальных памятников. К настоящему времени мы располагаем сведениями лишь об одном могильнике с языческим обрядом погребения, который можно связать с удмуртами - Скорняковский около Котельнича. Процессы окультурации и христианизации привели западных удмуртов к концу XVI в. к пол-

ной утрате этнического самосознания и фактическому обрусению. Признаками включения их в состав русских вятчан являются финно-пермские примеси, выявленные М.П.Грязновым в краеологических материалах пяти хлыновских кладбищ XVI-XVIII вв. (Макаров Л.Д., 1987), а также неславянские включения, обнаруживающиеся в ономастике, фольклоре, этнографии. Удмурты, жившие восточнее Хлынова, к началу XVI в. во многом еще сохранили свою самобытность. Происшедшее после 1489 г. изменение государственных институтов и вывод наиболее деятельного и интеллектуального слоя вятчан за пределы региона, массовое его заселение из других областей Руси разрушили традиционный уклад вятского общества и вызвали, в конечном счете, миграцию удмуртов на восток (Луппов П.Н., 1958; Атаманов М.Г., 1980, 1988; Насибуллин Р.Ш., 1992).

Большая вариативность деталей погребального обряда и сопровождающего инвентаря на кладбищах юга Удмуртии, несомненно свидетельствует о некоторой неоднородности этнического облика и, как следствие, материальной и духовной культуры удмуртов. Объяснение такому положению надо искать в том, что формирование данной группы населения происходило в менее стабильных условиях, определяемых близостью к степным и лесостепным районам Приуралья, в окружении неродственных этносов региона. Все это вызвало относительную "пестроту" в культурном наследии южноудмуртского населения. Несколько обособленное место в числе некрополей южной группы удмуртов, проявляющееся в большей вариативности деталей обряда, их подвижности, занимают археологические памятники, связываемые с арскими удмуртами (периферийно-южное наречие удмуртского языка, кукморский и шошминский диалекты). Причины этому надо искать в особенности месторасположения данной группы памятников (правобережье Вятки), специфике исторического развития рассматриваемой территории. Своеобразие их проявляется и в отдельных чертах более сильного сходства с синхронными марийскими некрополями, что объясняется их расположением в марийско-удмуртской контактной зоне.

Основная масса марийского населения правобережья Вятки проживает в границах Санчурско-Яранского этнографического района (северо-западные мари), а также в пределах обширного и этнографически своеобразного Уржумско-Вятского историко-культурного района. Могильники, связываемые с северо-западной и вятской луговой этнографическими группами марийцев по основным чертам погребальной обрядности, костюму, бытовому и хозяйственному инвентарю близки к некрополям с собственно марийской территории. Однако по ряду особенностей есть отличия. В частности, на памятниках Вятского правобережья крайне редко встречаются такие национальные марийские украшения как юпинэ, ширкама, но частой находкой является высокий берестяной головной убор. Своеобразие этих памятников вполне объяснимо, т.к. располагаются они на территории, с глубокой древности считавшейся удмуртской, откуда коренные жители ушли под давлением марийцев или частично были ими ассимилированы. Участие удмуртского населения в формировании этнического облика марийцев сказалось в своеобразии вятских памятников. Начавшийся с момента присоединения к единому централизованному государству процесс нивелировки отдельных этнографических групп ускоряется в более позднее время, что приводит в конечном итоге к консолидации их в единые удмуртскую и марийскую народности.